

А. А. Петрович
ЮНГА СЕВЕРНОГО ФЛОТА
(АЛЬБЕРТ ИОСИФОВИЧ СЕМУШИН)

На протяжении многих лет, в рамках деятельности по увековечению памяти героев Великой Отечественной войны, я записываю воспоминания фронтовиков, партизан, тружеников тыла, детей войны – всех, кого огненный смерч 40-х гг. прошлого века опалил на всю оставшуюся жизнь.

В 2011 г. мне посчастливилось познакомиться с капитан-лейтенантом в отставке, подводником, ветераном войны Альбертом Иосифовичем Семушиным. Первое и главное, что поразило меня в этом человеке, – это жизнерадостность, оптимизм, непоколебимая вера в лучшее. Архангельским беспризорником его сделала война. По-детски горячее желание защищать Родину привело подростка в школу юнг, сформированную на Соловецких островах. Так я открыл для себя ещё одну страницу войны – историю детей, в трудную годину ставших воинами. Из 4 111 выпускников Соловецкой школы юнг более тысячи погибли в боях, многие были награждены орденами и медалями, а семерым присвоено звание Героя Советского Союза. Вот из этой железной когорты был и мой новый собеседник. В ходе бесед у меня сложились тёплые и дружеские отношения с Альбертом Иосифовичем, его оригинальный, «морской» взгляд на жизнь не мог оставить равнодушным. Оставаясь верным солдатом своего Отечества, он, несмотря на возраст, продолжал вести активную общественную деятельность в кишинёвской ассоциации ветеранов Военно-морского флота им. А. Маринеско, часто выступал в печати и на телевидении. Главной своей аудиторией он всегда считал молодёжь, которой отдавал всё своё свободное время.

Из интервью с Альбертом Иосифовичем Семушиным

«– Родился я в Архангельске 24 июля 1928 года. Все мои предки происходят из поморов, живших на северных морях. Нас в семье было двое, я и сестра. Мои отец и мать родом из Шенкурского района Архангельской области. Отец принимал участие в защите севера России от иностранных интервентов во время Гражданской войны, даже был награждён орденом Боевого Красного Знамени, и после этого его назначили комиссаром в Шенкурский район. С началом Великой Отечественной войны отец в качестве военного комиссара возглавил в районе мобилизацию. У моего деда было тринадцать детей и восемь из них погибли при обороне Ленинграда...» (Семушин Григорий Фалалеевич, лейтенант, командир пулемётного взвода, в сентябре 1941 г. в составе 86-го отдельного пулемётного батальона 7-го укрепленного района бывшего Юго-Западного фронта попал в окружение противника вместе с частью. Из окружения на территорию фронта не выходил, часть расформирована, сведений на него никаких не поступало. Считался без вести пропавшим по фронту. В личном деле стоит отметка: жив, направлен в резерв 16 марта 1944 г. Семушин Ефим Фалалеевич, рядовой, умер от ран 26 июня 1941 г., похоронен в Санкт-Петербурге. На других родственников данные в ОБД не обнаружены – А. П.)

– *Какие развлечения были у детей предвоенной поры?*

– Главным нашим «аттракционом» в ту пору считались так называемые «финские сани». Они представляли собой длинные полозья и прикрепленное к ним сидение. Одной ногой стоишь на полозьях, а второй толкаешься, набираешь скорость. По накатанным дорогам очень здорово получалось. Любили лыжи. Но особенно запомнились катания на оленях через Северную Двину. Мы цеплялись за упряжки, на которых ненцы переезжали реку, и незаметно проезжали до другого берега. Если ненец нас видел, то пытался сбить своей длинной палкой, но чаще всего удавалось оставаться незамеченными. А летом купались в реке, ловили рыбу.

– *А такие вещи, как велосипед, часы, радио, у Вас были?*

– Нет, кроме черной тарелки репродуктора у нас ничего из этого не было. Я хорошо помню, как слушали по радио объявление о начале войны.

– *Как жили во время войны?*

– В течение первых трёх лет войны наш город, как центр снабжения Северного морского пути и конвойных экспедиций, подвергался страшным бомбёжкам. Во время одной из бомбёжек какой-то диверсант пустил ракету, указав на Лесотехнический институт, возле которого мы как раз тогда жили. Несмотря на огонь счетверённой зенитной установки «Юнкерс» сбросил бомбы точно

в цель: сначала фугасную, потом зажигательную. Начался страшный пожар, и многие мои родственники погибли в огне... Но отряд НКВД этого шпиона потом все-таки поймал, где-то на складе его схватили.

Было очень голодно. Еду приходилось искать и даже воровать. Помню случай, когда разбомбили сахарные склады, и по улицам текла настоящая сахарная река, которую мы черпали пригоршнями... А однажды даже пришлось пойти на преступление. Решили ограбить продовольственный склад, который охранял английский солдат. Один из моих дружков точно рассчитал время, которое часовой проходит вокруг здания, и проник в склад. Помню, что он взял галеты, и мы, пробираясь под сваями моста, по песку, спрятались в укромном месте и, разделив поровну, съели их.

– *В Архангельске Вам тогда приходилось сталкиваться с союзниками?*

– Меня сейчас часто спрашивают об этом, и я рассказываю, как с нами обходились американцы и англичане, прибывавшие в Архангельск. Мы, голодные 14-летние пацаны, рыскали по городу в поисках еды, а союзники сходили на берег в поисках выпивки и женщин. Я помню, они ходили в таких кожаных куртках, из карманов которых торчало пиво, сигареты, шоколад – настоящая роскошь для того времени. И мы научились просить у них на английском: «Sir, give me chocolate», что-то в этом роде. А они нас посылали матом, отпихивали, толкали, кричали: «No chocolate. Fuck off». Я до сих пор помню это выражение. В детской памяти от этих моментов остался очень неприятный осадок.

– *Как Вы решили стать юнгой?*

– Все мои дружки находились в такой же ситуации, что и я, – беспризорники, сироты, и мы все вместе приняли решение пойти на защиту Родины, защищать свой дом. Как раз в это время на Соловецких островах стала действовать школа юнг Северного флота (в мае 1942 г. приказом наркома Военно-Морского флота Н. Г. Кузнецова при Учебном отряде Северного флота была создана Специальная Школа юнг ВМФ, позднее переименованная в Школу юнг Северного флота – А. П.). Туда мы и решили поступить. У каждого из нас имелись свои основания мстить немцам за причинённые беды.

Но меня сразу не приняли, сказали, что не дорос. Я очень расстроился, но в 1943 г. принял вторую попытку. В приёмной комиссии меня спросили, кем я хочу быть. У меня к тому времени не оставалось никаких сомнений по данному вопросу. Один из моих дальних родственников, моряков, приезжая к нам в гости, рассказывал, как почётно быть радистом. Ты находишься на связи со всем миром, передаёшь приказы, первым узнаешь обо всём. Поэтому я ответил, что хочу стать радистом. Тогда меня спросили, на каком музыкальном инструменте я умею играть, ведь радист должен обладать очень тонким слухом. А я ни на чём не играл! Тогда меня посадили к аппарату и попросили повторить звуки, переданные азбукой Морзе. Как сейчас помню, эти комбинации «тра-та-та, тра-та-та, вышла кошка за кота, думала за барина, а вышла за татарина», «дай-дай закурить» и другие. Я точно всё повторил без ошибок. Тогда меня сразу записали годным к обучению на радиста в Школе юнг Северного флота с дислокацией на Соловецких островах. Нас отправили на буксире через Белое море на Соловецкие острова, где нас встретили морские офицеры, имевшие не только боевой, но и педагогический опыт, ведь к тому времени они уже больше года готовили юнг (первый набор в Школу юнг производился в 1942 г. – А. П.).

Нас распределили по разным участкам острова: кого в кремль, кого ещё куда, а нас, радистов, отправили в Савватьево, монастырский скит в 14 км от кремля. Учиться нам предстояло в здании бывшей тюрьмы. Около Красного озера мы разместились в землянках, сооружённых прошлыми выпускниками, юнгами первого набора. Но наш курс оказался значительно больше, поэтому нам пришлось сооружать дополнительные строения. Всё делали вручную, из камней и сосны. Корчевали пни, копали землю, валили лес, перетаскивали огромные валуны. В землянках было очень холодно, после купания полотенце примерзало к волосам, но каждое утро мы выходили на физзарядку, и я не помню, чтобы кто-то из ребят болел.

– *Как вы можете оценить подготовку в Школе юнг?*

– Я считаю, что готовили нас очень хорошо. Та закалка, которую в нас там вложили, осталась на всю жизнь. Алмаз же получается только тогда, когда его хорошенько сожмут. А нас готовили к войне, и поэтому давили как следует. И хотя мы были детьми, но уже и военными.

Приведу такой пример. Как-то в кустах обнаружили разрезанный противогаз. По бирке установили хозяина, нашего сокурсника, и вызвали к начальнику Школы, капитану 3-го ранга Аврамову. Когда парня спросили, зачем он испортил элемент боевого снаряжения, разрезал противогаз, тот расплакался и ответил: «А я хотел посмотреть, что там внутри». И его не наказали, потому что наши командиры понимали, что дети есть дети, хотя на нас с момента зачисления в Школу полностью распространялся «Дисциплинарный устав Военно-морского флота».

Школу юнг я закончил круглым отличником, и поэтому мне предоставили возможность выбора флота, вроде поощрения. Но так как я сам северянин, то и выбрал Северный флот.

– Известно, что во время войны многие подростки рвались на фронт любыми средствами. Вы не помните в Вашей Школе таких случаев?

– Да, у нас однажды произошёл такой инцидент. Два парня, решив, что они всему научились и пора бить немцев, решили бежать. Соорудили плот и вышли на нём в море. Шансов выжить у них не было, но они каким-то чудом продержались два дня. Потом их, конечно, нашли, но что удивительно, сначала наказали, а потом отметили в приказе за то, что сумели выдержать два дня в тяжелейших условиях и проявили завидное мужество.

– Какие взаимоотношения складывались между учениками Школы?

– Очень дружные. Что такое дедовщина, мы даже понятия не имели. Всюду были вместе: на постройке землянок, на учёбе, на практических занятиях.

– На чем делался упор в обучении?

– Самое главное – морское дело, и только потом – изучение радиодела. Много времени уделялось истории, изучали стрелковое оружие. Особое внимание уделялось физической подготовке. Помню, проводились даже соревнования по лыжному спорту, съезжали с так называемой Секиргоры. Она называлась так из-за легенды о том, как монахи из мужского монастыря копали подземный ход к женскому монастырю, а женщины рыли им навстречу. Но когда об этом узнали, то всем отрубили головы. Вот там мы соревновались в скоростном спуске и слаломе, я тогда даже призовое место занял.

– А девочек на Соловках не было?

– Я припоминаю, как все ребята в Школе вздыхали по дочке капитана второго ранга Лебединского. Его семья жила в административном здании, и когда она ходила на лыжах по замёрзшему озеру, то мы все из окон буквально глазели на неё. А я однажды даже попытался завоевать её внимание – лыжами написал её имя на снегу. Так потом надо мной ребята долго подшучивали.

– Кого из офицеров-воспитателей Вы особенно запомнили?

– Я считаю, что все преподаватели Школы заслуживают самых добрых слов в свой адрес. Но все же я хочу особенно упомянуть о мичмане Карычеве, который буквально заменил всем нам отца. Добрый, невероятно душевный, отзывчивый человек – таким он навсегда остался в нашей памяти. Юрий Николаевич Аврамов, капитан 1-го ранга, начальник школы юнг, бывший царский офицер, автор книги «Шлюпочное дело», которую мы изучали, сам с нами ходил на вёслах, проходил практику. Комиссар Шахов, проводивший с нами политзанятия. Видно, специально подбирали таких настоящих людей, которые бы могли достойно воспитывать молодёжь.

– Кто был вашим самым близким другом в Школе?

– Лучшим моим дружкойм стал питерский мальчишка – Мишка Парфёнов. Мы как-то сразу с ним подружились. Как-то пошли вместе путешествовать к морю и заблудились. На Соловках-то целых двести озёр, так что пропасть там совсем несложно. Все они соединены между собой каналами, которые соорудили монахи. И все озёра – пресные, несмотря на то, что вокруг острова – солёное море. Из-за специфики подводных течений между островом и материком находился незамерзающий участок моря, в котором смешивались холодные и тёплые течения. Наверное поэтому на острове раньше находилась тюрьма, потому что сбежать оттуда практически невозможно. Когда мы поняли, что заблудились, то очень испугались. Нашли на берегу землянку рыбака, в которой не оказалось хозяина, но нашлась еда. Поев, сразу же уснули, а утром нас нашли. Мы, конечно, разревелись, стали оправдываться, но всё обошлось благополучно.

– *Большое внимание уделялось политической подготовке?*

– Самым главным элементом политической работы являлась беседа с юнгами. С нами её проводил наш комиссар – капитан 3-го ранга Сергей Сергеевич Шахов. Тогда ведь не было никаких психологов, психотерапевтов, которые бы готовили к тяготам и ужасам войны, поэтому их роль взяли на себя наши воспитатели – моряки, пришедшие с фронта. Эти люди понимали жизнь, и всегда беседовали с нами по-отцовски. Никаких лозунгов я не помню, только беседы. И надо сказать, что влияние таких бесед ощущалось очень сильно, мы росли настоящими патриотами.

А вот на фронте уже несколько иначе. Там больший акцент делался на политинформации о происходивших вокруг нас событиях.

– *Как вы оцениваете фильм “Юнга Северного флота”, который вышел на экран в 1973 году?*

– За исключением некоторых неточностей, фильм неплохой. Сделан в патриотическом духе, но, конечно, чтобы прочувствовать все до конца, режиссёру нужно было бы самому пожить на Соловках. А вот сцена прыжка в горящую воду сделана очень правдиво. Нам приходилось проходить и это испытание. На воду выливали горячее, поджигали его, и мы прыгали в огонь с вышки. Набирали как можно больше воздуха и прыгали ногами вниз. Так нас готовили к нередким на море случаям, когда корабль тонет, а горячее разливается по поверхности воды. Остаться на тонущем судне нельзя – затянет под воду вместе с ним, значит, надо прыгать в огонь.

– *Никто не пострадал во время таких испытаний?*

– Трагических случаев среди нашей группы радистов я не помню за всё время обучения.

– *А как переносили климатические трудности?*

– Большинство наших ребят пришло из холодных краёв, многие, как и я, из Архангельска. Поэтому к холоду нам было не привыкать. А вот что я хорошо помню, и в Школе юнг, и уже на фронте, так это Полярную ночь. Её переносить очень тяжело, когда на часах уже ночь, а на улице светло как днём. Уснуть не получается, как не пытайся.

– *Куда Вас направили после выпуска из Школы?*

– На теплоходе «СЛОН» («Соловецкий лагерь особого назначения»), который раньше перевозил заключённых, нас переправили на материк, в Кемь. Все трюмы были забиты юнгами: сигнальщиками, радистами, рулевыми. Потом началась качка, и хотя теплоход шёл не так уж быстро, у многих с непривычки началась «морская болезнь», ребят стало тошнить.

В Кемь нас посадили в «телячьи» вагоны, в которых ранее перевозили скот. Навозу в них собралось, наверное, по щиколотку. И вот мы такие воодушевлённые, увидев эти вагоны, немножго смутились, но недовольства не было. Вот группу, которую отправили под Ленинград, посадили в пассажирский вагон. Видимо, нам просто не повезло. Нас загрузили в вагоны, снова забив их под завязку, и отправили в Мурманск, где нас встречал сам командующий Северным флотом адмирал Головкин. Из-за своего небольшого роста я на построении оказался почти в самом конце шеренги, и Головкин, обходя строй, подошёл ко мне и спросил: «А ты куда? Тебе же в детский сад идти надо!» Тогда я ответил: «Я отличник и хочу служить на “Тремяшем”!» Вместе с Луниным, с Гаджиевым!» Тогда он подошёл к офицерам, посоветовался и меня направили радистом в приёмный радицентр на Оленью губу, который служил для связи с союзниками.

– *Что Вы чувствовали в то время к немцам?*

– Вживую я их не видел, но, получая информацию о зверствах фашистов на нашей земле, у меня сложилось соответствующее отношение к захватчикам. Мой отец защищал Север от интервентов, которые хотели заполучить наши земли, и я тоже принял участие в защите родного края, как по наследству. К тому же мы видели разрушения и несчастья, которые немцы принесли на нашу землю, поэтому относиться иначе, как с ненавистью, к ним не могли. Когда я попал на Оленью губу, там врагов уже приходилось видеть в двух случаях: или мелкие группы пленных, конвоируемых в штаб, или прибившиеся к берегу трупы с подбитых немецких кораблей. Поэтому каких-то особенных впечатлений от личных встреч с немцами у меня не осталось.

– *А вы хорошо знали о происходивших на других участках фронта событиях?*

– До школы юнг я слышал лишь сообщения по радио да разговоры своих дядек, которых позже призвали на защиту Ленинграда.

– *Вам пришлось побывать в Норвегии. Как складывались отношения с мирным населением?*

– Отношения с гражданскими были абсолютно нормальными. Никаких конфликтов, а тем более преступлений в отношении них – мародёрства или насилия, – я не помню.

Правда, помню такой случай. Где-то в районе Киркинесса мы вошли в одно из поселений и заметили дым. Двинулись туда, а там, оказывается, норвежцы топили печь лыжами. А я же ведь заядлый лыжник, и когда увидел прекрасные деревянные лыжи, с хорошими креплениями, взял одну пару себе. Вот и всё, что касается трофеев.

– *Как Вы относитесь к Сталину?*

– Сейчас много неправды льют на то время. Я сам человек беспартийный, но именно партией воспитан настоящим патриотом. Я принимал присягу при Сталине, и до конца своей жизни никогда ей не изменю. И лично я, как и многие мои друзья-фронтовики, считаю, что сейчас нам очень не хватает Сталина, его жёсткой и твёрдой руки. Ведь это именно при нем мы смогли одержать Победу в такой страшной войне и в кратчайшие сроки смогли поднять страну из руин.

– *С людьми каких национальностей Вам пришлось вместе служить?*

– Если честно, тогда я за этим как-то не следил. В то время все находились в одном едином стремлении разгромить врага, а о национальном вопросе тогда никто не думал. Но я помню, что у нас в школе юнг был казах, Нигмат – отличный парень. И то, мы узнали о том, что он казах, только потому, что он выделялся внешне. А вообще в школе юнг проходили обучение мальчишки из самых разных уголков страны: из Москвы и Ленинграда, Татарстана, Новгорода, но больше всех было ребят из Архангельской области.

– *Приходилось ли сталкиваться с особистами?*

– Конечно, ведь наша служба связана с передачей секретной информации. Но каких-то инцидентов, связанных с работой особого отдела, я не помню. Нас проверяли на допуск к рации в профессиональном отношении, видимо, и в морально-политическом тоже, но встреч и личных контактов с работниками органов безопасности я не припомню.

– *А что конкретно проверяли при допуске к работе с радиостанцией?*

– Нас проверял лично начальник приёмного радицентра, капитан третьего ранга. Самой тщательной проверке подвергался почерк. Твой почерк передачи, шифровок, текста, кода не должен был отличаться от машинного. Всё должно делаться на автоматизме.

– *Как Вы оцениваете общий уровень связи в то время?*

– Считаю, что связь была неважной. Передача информации велась плохо, связь с подводными лодками часто отсутствовала, а связи между самими судами иногда и вовсе не было. Сейчас об этом не очень говорят, но моё личное мнение, что наша связь находилась далеко не на самом высоком уровне.

– *Вы можете рассказать, чем конкретно вам приходилось заниматься?*

– В течение всего времени моего пребывания в приёмном радицентре я принимал участие в операции под кодовым названием «Дервиш» – по проведению конвоев Северным морским путём. Сегодня общеизвестно, что союзники доставляли нам вооружение, продовольствие, технику, но я сам не так давно узнал, что, оказывается, во время войны существовали ещё и восточный и южный пути, по которым также шло снабжение. А я осуществлял связь между транспортными кораблями и нашими военно-морскими судами, которые сопровождали их до места назначения. Связь с союзниками осуществляли по коду «Q», в русском переводе «Щ».

– *Расскажите, пожалуйста, при каких обстоятельствах Вас ранило.*

– Наш радицентр, как я думаю, был уже давно запеленгован, поэтому налёты авиации случались довольно часто. Вражеские самолёты бомбили участок расположения узлов связи и места дислокации подводных лодок, стоявших в гавани, и вот во время одного из таких налётов меня и ранило. Когда объявили воздушную тревогу, все побежали в убежище, но при взрыве фугасной бомбы один осколок попал мне в бедро и прошёл насквозь. Но ранение было не очень серьёзным, поэтому через месяц всё зажило.

– *Считаете ли Вы оправданным то, что совсем юных подростков, как Вас, например, привлекали к боевым действиям?*

– Если судить с сегодняшней точки зрения, то конечно, это нарушение закона, привлекать ещё по сути детей к военным действиям. Но в той тяжелейшей обстановке, которая сложилась в то время, и согласно тому чувству патриотизма, я считаю, что это было оправданно. Мы знали, что идём защищать свою страну, свой народ, дом. И очень жаль, что сейчас у молодёжи нет такого же ощущения Родины, и если, не дай Бог, случится война, то молодые люди даже не будут знать, за что воюют...

Вы мне можете не поверить, но я бы и сейчас с радостью вышел в море. И корабль пришвартовал, и выполнил бы все задачи по боевому предписанию. Я до сих пор помню позывные и коды, азбуку Морзе и все хитрости службы радиста, хотя прошло много лет с тех пор. Всё в памяти осталось, только возраст и здоровье, конечно, уже не те.

– *Как Вы узнали о Победе?*

– Мы как радисты узнали о ней первыми. Тут же поднялась стрельба, крики. Вечером достали все запасы спиртного и весело отметили такой большой праздник. Но на следующий день у меня здорово побаливала голова, потому как явно переборщил.

– *А как вообще обстояло дело с алкоголем?*

В школе юнг, конечно, об алкоголе даже и речи не было, а вот на Оленьей губе нам регулярно выдавали «фронтовые сто граммов». А что касается курильщиков, то им выдавали либо махорку, либо «Беломорканал». Но я не курил, поэтому вместо табака получал конфеты-подушечки.

– *А как кормили в школе юнг и на фронте?*

Для ответа на данный вопрос я приведу такое двестишое, которое бытовало среди юнг всё время обучения: «Сечку, гречку и овёс нам хозяйственник принёс». Считаю, что кормили нас в школе юнг удовлетворительно, но мы же были подростками, а это время самого бурного роста, когда есть хочется постоянно. А уже непосредственно в части кормили хорошо. Я припоминаю такой случай. Рядом с нами находились базы союзников, проходили конвои, и однажды немецкие самолёты разбомбили транспорт с продуктами недалеко от берега. Оттуда стали доставать всё, что можно спасти, и среди всего прочего там находились мешки с канадской мукой. И какой же пышный и вкусный из неё нам испекли тогда хлеб! И ещё я не могу забыть вкус масла, которое нам выдавали на фронте. Оно, конечно, похуже, чем настоящее вологодское, но всё равно вспоминается как очень вкусное.

И ещё я припоминаю такой случай. По прямому назначению личное оружие нам применять не приходилось, но однажды на Оленьей губе один из моих товарищей, уже не вспомню сейчас его фамилии, предложил надеть белые маскировочные халаты и пойти стрелять тюленей, которые выползали на лёд. Нам удалось подстрелить одного тюленя, и из его мяса сделали котлеты. Очень вкусные получились, но только когда горячие. Холодными их есть было просто невозможно.

– *Как проводили свободное время?*

– Его у нас почти не было. Если и оставались свободные минуты, то тратили их на сон, которого всегда не хватало. Иногда на льду играли в хоккей с мячом. А больше никак, это ведь Север, там не разгуляешься.

– *Какое отношение было к религии среди юнг и во время службы на флоте?*

– В то время этот вопрос как-то не поднимался. Мы все верили в дружбу, во взаимовыручку, и в поговорку «На Бога надейся, а сам не плошай».

– *Как изменилось Ваше отношение к союзникам к концу войны?*

– Во время службы на Оленьей губе нам приходилось сталкиваться с представителями союзных войск гораздо чаще и даже взаимодействовать. Они находились в своих закрытых базах, обнесённых заборами и колючей проволокой. Моё отношение к союзникам стало немного лучше от того, что они находились в тех же условиях, что и мы, выполняли такую же работу. Но держались они с видом особого превосходства. Да и первое впечатление из голодного детства оставило самый глубокий отпечаток.

– *Приходилось ли общаться с женщинами во время службы?*

– Среди связистов, конечно, были и девушки. Но в мои юные годы мысли о каких-то отношениях даже в голову не приходили. Кто из моих товарищей водил дружбу с девушками, я не знаю. Помню только случай, когда катер уходил в море и на причале девушка поцеловала одного из моряков. По-моему, это единственный раз, когда мне приходилось наблюдать проявления чувств между мужчиной и женщиной.

А со мной произошла вот такая история. Я передавал шифровку в Москву по одному и тому же адресу. Сначала я даже не мог отличить, что это за человек, такого высокого уровня были передачи. Но потом всё же рассмотрел почерк и стал между передачами посылать небольшие сообщения. Выяснилось, что это женщина. Тогда я выведал её московский адрес, и когда закончилась война, меня отправили в подготовительное училище в Ленинград через Москву. Я заявился по указанному неизвестной радисткой адресу, в морской форме, нажал на звонок... Дверь мне открыла немалых габаритов женщина, поинтересовалась, кто я. Я рассказал, что к чему и по какому поводу пришёл сюда. Оказалось, она и есть моя знакомая! Ну, обниматься мы, конечно, не стали, но мороженым она меня угостила.

– *Какие у Вас боевые награды?*

– Из наград у меня медаль «За оборону Советского Заполярья», орден Отечественной войны II степени и медаль «За победу над Германией».

– *После окончания войны Вам приходилось бывать в местах, где прошло военное детство?*

– Да, в 1972 г. я с сыном приезжал на встречу выпускников школы юнг на Соловецкие острова. Замечательная получилась встреча! Несмотря на то, что там в то время находились закрытые военные объекты, нам разрешалось гулять по всему острову. На встречу приехало много людей со всего Союза. Из известных личностей я помню Константина Симонова и Валентина Пикуля, который тоже был выпускником школы юнг. Первым делом по сложившейся традиции все бывшие юнги выкупались в Святом озере, и только потом зазвучали речи, воспоминания... Потом наша группа радистов направилась в Савватьево. Я показывал сыну Секир-гору, с которой съезжал на лыжах, побывали в местах, где находились наши землянки. Но на их месте остались только провалившиеся ямы, из которых росли небольшие берёзки. Там мы с товарищами выпили бутылку водки, вспомнили свою юность. Но, к сожалению, на той встрече не было моего друга Миши Парфёнова.

– *Сейчас с кем-то из сослуживцев поддерживаете связь?*

Раньше нас в Молдавии жило трое юнг Северного флота, и мы при случае всегда встречались. Но сегодня в живых остался я один. Переписывались и с воспитателями – Карычевым, комиссаром Шаховым, но и их давно уже нет.

– *Как Вы оцениваете вклад Соловецких юнг в Победу?*

– Мне кажется, что юнги честно выполнили свою задачу, не предав Родины, и внесли, пусть и небольшой, но достойный вклад в общее дело победы над врагом. Ведь вы подумайте: из 4 111 выпускников нашей школы более тысячи погибли на фронте... Но при этом наши юнги, фактически совсем еще дети, бежали с Соловецких островов не к мамке под юбку, а на фронт, это же о чем-то говорит. Какое было желание в народе отстоять свою Родину, какой патриотизм!

– *Вам довелось служить на разных флотах страны. Чем отличается служба на Севере?*

– Я считаю, что чем климат суровее и холоднее, тем люди дружнее, добрее и закалённее. Той взаимовыручки и коллективизма, которые формировались у людей на Севере, я не встречал больше нигде. Именно поэтому, на мой взгляд, на Севере немцы добились наименьшего успеха на всём советско-германском фронте.

– *Как сложилась Ваша жизнь после войны?*

– После войны меня отправили в Ленинград в училище, вроде Нахимовского, и снова я попал к Аврамову, который был начальником школы юнг на Соловках. После училища служил офицером-торпедистом, но во время массового сокращения армии, которое проводил Хрущёв, мне предложили либо перейти в ракетные части, либо уволиться из армии. Но я так намёрзся на Севере, что ехать ракетчиком на Чукотку отказался. Переехал в Кишинёв, который тогда был красивой сто-

лицей южной республики. Поступил в аспирантуру и стал готовить специалистов по механизации в сельском хозяйстве.

– *Ваши дети не стали продолжателями поморского поколения моряков?*

– У меня сын и дочь. Дочь, Наталья, вышла замуж за моряка, капитана 2-го ранга, а её сын, мой внук Денис, сейчас в звании капитана 3-го ранга служит в Балтийске. А мой сын Игорь, капитан 1-го ранга, сегодня служит начальником штаба ядерного полигона на Новой Земле, так что традиция служить Родине на море в нашей семье сохраняется.

– *Чем Вы сейчас занимаетесь?*

– Сегодня я пенсионер, но веду совсем не пенсионный образ жизни. Я остался верен флотским традициям, поэтому по утрам обливаюсь холодной водой, зимой хожу на лыжах. В моем рационе особое место занимает рыба, из которой я регулярно готовлю уху. Сам пеку хлеб.

Раньше я вёл активную патриотическую работу среди молодёжи. Студенты университета, в котором я преподавал многие годы, собирались в специально выделенном для этих целей помещении, проводились собрания, встречи с ветеранами. В этой комнате мы создали стенды памяти о войне и её героях. Но в один “прекрасный” день руководство университета поставило перед нами, ветеранами и пенсионерами, условие – либо мы платим за помещение, либо нас оттуда выгоняют. А откуда у нас деньги? Вот так мы потеряли связь с молодёжью. Комнату нашу отобрали, стенды уничтожили. Теперь вот принимаю тех немногих молодых людей, которые сохранили интерес к нам, у себя дома.

Также я являюсь одним из членов ассоциации ветеранов Военно-морского флота имени Героя Советского Союза А. Маринеско. Мы ведём работу по увековечиванию памяти нашего величайшего подводника, о подвиге которого сегодня начинают забывать.

Для того, чтобы вести такой образ жизни и быть в курсе всего происходящего, пришлось освоить Интернет, поэтому сегодня я, как и в годы моей юности, снова на связи со всем миром».

Альберт Иосифович Семушин ушёл из жизни 3 апреля 2016 г., во время подготовки сборника к изданию.

А. П. Пирагис ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ в 1920–1950 гг. В ВОСПОМИНАНИЯХ И ДОКУМЕНТАХ

На Камчатке в 1922 г. сменилась только власть, а многие стороны экономической и хозяйственной деятельности оставались по-прежнему в руках иностранных и отечественных промышленников и торговцев. Петропавловск продолжал оставаться чисто чиновничьим городом. Вместо царских, буржуазно-демократических чиновников и служащих разных комитетов и исполкомов в 1917–1922 гг. – теперь были советские. Они использовали для своей деятельности прежние служебные здания, построенные усилиями губернаторов В. В. Перфильева и Н. В. Мономахова. Партийные и советские работники, служащие разных учреждений и контор трудились в них до 1940-х гг., а в некоторых даже до 1970-х.

Горожане еще не меняли свой образ жизни – продолжали жить за счет охоты, рыбалки и собственного подворья. Одни, кто был грамотен и благонадежен для власти, устраивались в новые учреждения, другие – на малочисленные рабочие должности, которых было не более трех десятков, и на сезонные работы. Город не имел никакого производства.

Отправной точкой новой истории города становился теперь 1923 г. Проведенная в этом году похозяйственная перепись в Петропавловске показала, что в городе имелось 177 жилых строений, рыболовных сетей – 44, ботов и кунгасов – 40, нарт – 33. Было 36 лошадей, 148 голов крупного рогатого скота, 84 свиньи и 322 собаки (31, с. 8–9).

Представление об имевшихся в Петропавловске улицах дает решение Камчатского губревкома «Утверждение наименований улиц», принятое 10 февраля 1923 г. В нем названо 10 улиц. Были переименованы: Большая (Первая) стала Ленинской; Вторая – Таможенной; Третья – Партизанской; Четвертая – Нагорной; Озерная (Казначейская) – Никольской; Судейский Городок – Красной; Пер-